

Неотрадиционализм(ы) — трансформация гендерного гражданства в современной России

(Е. Здравомыслова, А. Темкина)

В статье рассматривается трансформация гендерного гражданства в современном российском обществе. Категория гендерного гражданства используется нами для анализа гендерного порядка, понимаемого как социальная организация половых различий. Гендерный порядок можно также рассматривать как статусный гражданский порядок, который характеризуется неравным распределением благ и престижа по признаку приписанного пола. Категория гражданства включает: 1) систему экономических, политических и социальных прав и обязанностей, определяющих взаимоотношения государства и граждан, и 2) устойчивые социальные практики индивидов, принадлежащих к сообществу, объединенному моральными ценностями (Marshall 1992; Turner 1990). Социологическое понимание гражданства отсылает нас к статусному измерению неравенства, закреплённому в правовом и символическом порядке и имеющему имущественные последствия.

Как показали феминистские исследователи, в национальном государстве категория гражданства является гендерно маркированной (Юваль-Дейвис 2001; Lister 1997; Pateman 1992; Walby 1994). Социальное положение женщин и мужчин как граждан разного пола определяется доминирующими и конкурирующими гендерными идеологиями, семейной и социальной политикой, императивами политического и социального участия. Параметрами гражданства в современном обществе являются гендерные идеологии, определяющие проекты женственности и мужественности. В данном тексте рассматривается советское и постсоветское гендерное гражданство на уровне иде-

ологии и политики, определяющем предписанные права и обязанности мужчин и женщин, а также на уровне социальных практик граждан, различаемых по признаку пола.

Позднесоветское гендерное гражданство

В Советском государстве система гражданства включала обязанности и права, которыми по закону наделялся каждый советский гражданин. Советское гражданство носило принудительный характер; права, по сути, имели характер обязанностей, пренебрежение которыми жестко каралось властью. Социальные практики гражданства предполагали мобилизацию советских людей на осуществление целей социалистического строительства и подтверждение политической лояльности («выполнение общественного долга»). С одной стороны, цели строительства социалистического общества были общими для всех граждан, формально имевшими равные права и обязанности. С другой стороны, гражданский статус (формально и неформально) различался в зависимости от социального происхождения и положения, возраста, пола и национальности (этничности). Государство осуществляло различие граждан по признаку пола и создавало гендерные различия между гражданами. При этом государственное конструирование гендерного гражданства создавало рамки для особых женских стратегий, возможных именно в советском контексте.

В позднесоветский период гендерно маркированное определение гражданства включает массовое вовлечение женщин в общественное производство при одновременном усилении роли «добровольного» материнства, поддерживаемого социальной политикой. Выполнение женщиной двойных обязанностей (в публичной и приватной сферах) становится более проблематичным, что находит выражение и в дискурсах, и в повседневной жизни. Гражданские обязанности женщины постепенно «приватизируются», их выполнение (или невыполнение) поддерживается и контролируется в повседневности не только государством, но также профессионализированными социальными институтами и ближайшим окружением. В этот период происходит ограниченная либерализация гендерной политики, частичное восстановление частной жизни (приватной сферы) и формирование специфической неформальной

публичной сферы, т. е. дискурса, умеренно оппонирующего официальному.

Публичное обсуждение советских практик мужественности и женственности на самом деле оказывается дебатами о соотношении общественного и частного, о преодолении неантагонистических противоречий социализма, о решении демографических проблем³⁵. В этот период образованная городская семья, в которой женщина, как правило, совмещает работу и материнство, отказывается от рождения «достаточного числа» советских граждан — работников и защитников Отечества, и исполнение гражданских обязанностей материнства становится проблематичным.

В официальных дискурсах доминирует интерпретация семьи как основной ячейки общества, для которой характерно разделение ролей по признаку пола; на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей и обслуживанию семьи. Одновременно в критическом либеральном дискурсе (в социальных науках, публицистике) проблематизируются совмещение ролей матери и работницы, положение одиноких матерей. Мужская роль также становится объектом критики и это приводит монопольного кормильца и защитника к «кризису маскулинности» (Здравомыслова, Темкина 2002а). Наши исследования показывают, что позднесоветская либеральная критика гендерного гражданства была патриархатной и в большей степени выражала эссенциалистские представления о мужественности и женственности, чем официальный советский дискурс. Эта критика представляла собой камуфлированный протест против советской версии равноправия полов и защиты традиции, разрушенной насильственным путем. Традиция при этом представляла как практика подчеркнутых половых различий, «стираемых» социализмом в целях мобилизации «человеческих ресурсов».

³⁵ Приватное/публичное измерение гендерного гражданства является проблемой, активно обсуждаемой в западном феминистском дискурсе. Суть проблемы в том, что публичная декларация равенства находится в противоречии с устойчивым гендерным неравенством в приватной сфере, с социальными правами, предоставляемыми отдельным категориям граждан, которые получают социальную поддержку (в данном случае в эту категорию входят женщины-матери) (Юваль-Дейвис 2001; Siim 2000).

**Постсоветское гендерное гражданство:
идеологии неотрадиционализма**

Для современного российского общества характерны не только классовые стратификационные процессы, но и социальные различия, обусловленные внеэкономическими параметрами — этничностью, полом, возрастом, гражданским статусом. Трансформацию гендерного гражданства мы рассматриваем в контексте изменений социальной структуры общества, становления российского национального государства, разрушения старой политической системы и создания формальных институтов демократии, а также в контексте трансформации экономического строя, разрушения советских идеологий и уменьшения роли социальной политики. Изменения гендерного порядка являются следствиями данных процессов. Постсоветские трансформации разрушили структурные основы советской эмансипации (поддерживаемой идеологией и социальной политикой), одновременно сохранив практики совмещения женских ролей, укорененные в повседневности и востребованные рыночными условиями. В этом контексте гендерное гражданство претерпевает изменения как на политическом и идеологическом уровнях, так и на уровне повседневных практик.

Меняется законодательство; в системе семейного права происходит гендерно сбалансированное переопределение родительских обязанностей; институты социальной политики испытывают последствия бюджетного дефицита и рыночных реформ, сказывающиеся на уменьшении их вклада в обеспечение жизни российских граждан. Растет вес семьи как экономической единицы общества, повышается значимость домашнего хозяйства в создании экономического статуса семьи. Происходит изменение стратификационной картины общества, которое постепенно становится классовым. Образуются разные имущественные группы, образ жизни и семейные уклады которых существенно различаются. С этими процессами связана дифференциация моделей домохозяйства и гендерных контрактов.

Разрушаются идеологические основания официального гендерного контракта и официальной политики в отношении женщины. Советские идеологемы, связанные с интерпретацией женского предназначения как работающей матери, перестают

быть действенными. Формируется новый символический порядок, в котором присутствуют различные, зачастую конфликтующие между собой, идеологии, включающие различные репрезентации мужественности и женственности. В обсуждение проблем гендерного гражданства включаются новые общественные силы: политические акторы, общественные и религиозные организации, глобальные информационные агенты, профессиональные сообщества, СМИ и т. д.

Новые идеологии эксплицитно или имплицитно апеллируют к некоторому представлению о традиции, нуждающейся в возрождении, и о «естественном» предназначении женщин и мужчин. «В поисках прошлого» происходит усиление традиционализма в интерпретации ролей мужчины и женщины. Формируются идеи о восстановлении исконных традиций мужественности и женственности, которые были табуированы, разрушены или искажены советской действительностью. Неотрадиционализм в гендерном отношении предстает как поиск традиций истинной женственности и истинной мужественности, которые могут быть легитимно приняты в качестве новых социальных ролей.

Однако существуют разные трактовки традиции и природы женственности, варьирующие в зависимости от системы референций (того, что именно считается традицией в общественном дискурсе). В феминистском дискурсе традиционными считаются представления о женщине как домашней хозяйке, жизненный мир которой сконцентрирован вокруг обязанностей заботливой супруги, матери, хранительницы домашнего очага. Таков идеально-типический норматив буржуазного семейного устройства со свойственным ему патриархатным разделением половых ролей мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки. В 1990-е годы в дискурсе получает распространение миф о западной женщине — домохозяйке, реализующей женское желаемое, т. е. традиционное, предназначение. Этот миф противоречит массовым практикам совмещения ролей, появившимся во второй половине XX века. Существует также взгляд на западную женщину как на феминистку, разрушительницу общества, семьи и традиции (Никонов 2005а).

Массовый опыт российских женщин определяется их значительным вкладом в семейный бюджет, сочетанием разных видов занятости в сфере производства и воспроизводства. Тра-

диция «женщина-домохозяйка» для российского общества представляется исключением, показателем социального престижа, в то время как укорененные практики связаны с традицией «работающая мать», имеющей массовый характер по крайней мере на протяжении четырех поколений.

Различные оценки гендерного традиционализма отражены и в академическом дискурсе. Многие исследовательницы российского общества вплоть до конца 1990-х годов видели в российской трансформации симптомы патриархатного ренессанса, или неотрадиционализма (А. Посадская, О. Воронина, Н. Римашевская и др.). Практика, политика и экономика гендерных различий и гендерного неравенства затрагивают не только экономическую сферу, но и сферу, связанную с различными статусными характеристиками. Симптомы усиления гендерного неравенства — вытеснение женщины из публичной и политической сферы, возвращение ее в частную сферу домохозяйства, феминизация бедности и безработицы. Патриархатные тенденции проявляются в дискриминации женщин в публичной сфере, в частности при найме на работу, когда женщина оценивается как «социальный инвалид», неспособный эффективно выполнять функции работника, а также в сексуальных домогательствах и незащищенности женщины от насилия. Аргумент о патриархатном ренессансе постоянно поддерживается дискуссиями о сексуальном и домашнем насилии.

Но исследователи показывают и контртенденции, которые связаны с успешными стратегиями женщин в рыночных условиях, с ростом общественной активности женщин, с яркими политическими фигурами, с продвижением женщин в некоторых отраслях бизнеса. Иными словами, происходит усиление дискурсивного неотрадиционализма, но при этом появляется новое пространство для женщин, в котором возникают новые стратегии, ведущие к успеху. Однако в условиях структурного неравенства и нехватки ресурсов происходит мобилизация других средств, в частности специфических женских ресурсов сексуальной привлекательности. Демонстративная сексуализация различий становится чертой нашей современной гендерной репрезентации (в случае женственности и в случае мужественности).

Итак, наблюдается разнообразие образцов мужественности и женственности, включающее симптомы и равенства (эга-

литарности), и поляризации, и дискриминации полов. Для российского контекста характерна специфическая система референций гендерного неотрадиционализма, в которой мы выделяем две основные идеологии. Одна из них связана с либеральной традицией, эссенциализирующей половые различия, другая — с советской государственнической традицией «работающая мать», опирающейся на целевую социальную политику³⁶.

Идеология неолиберального гендерного традиционализма основана на противоречивом сочетании двух принципов: равенства и природного различия полов. С одной стороны, признается, что женщины имеют равные права с мужчинами, могут ориентироваться на различные роли, становиться профессионалами, домохозяйками, сочетать разные обязанности согласно своему выбору. С другой стороны, утверждается, что женщины обладают отличными от мужчин природно обусловленными склонностями и имеют особое предназначение, ограничивающее их карьерные возможности, и поэтому они не стремятся к равному с мужчинами продвижению в публичном пространстве. Общественное устройство в целом рефлексивно ограничивает карьерное продвижение женщин, поскольку поддержание домохозяйства и воспитание детей интерпретируются как частно-семейное дело граждан, не предполагающее государственного вмешательства. Ядром концепта гендерно-нейтрального гражданства в этом случае является система равных прав и обязанностей мужчин и женщин в публичной сфере. Особые социальные права женщин, связанные с их ролью в системе социального воспроизводства и поддержания приватной сферы, в этом дискурсе интерпретируются как *социальная инвалидизация*, приводящая к вытеснению женщин из публичной сферы. В масс-медиа образцы неолиберального традиционализма представлены подчеркнuto женственными образами бизнесвумен и домохозяйки.

Неогосударственный традиционализм позиционирует женщин как особую категорию граждан, нуждающуюся в патерналистской социальной политике. В рамках этой идеологии под-

---

³⁶ Сходные варианты выделила и Л. Попкова в своих исследованиях, посвященных участию женщин в политике (Popkova 2004). См. также: Temkina 1995.

черкивается, что у женщин есть гендерно обусловленная гражданская функция — демографическое воспроизводство нации. Воспитание детей и поддержание домохозяйства интерпретируются как предмет государственного интереса. Утверждается, что в период трансформаций женщина оказывается жертвой: поскольку государство не обеспечивает ее патримониальной поддержкой, она не может быть полноценной работающей матерью, т. е. полноценной гражданкой. Ядром гендерно-сензитивного гражданства в таком дискурсе является система целых социальных прав, гарантируемых мужчинам и женщинам, призванным выполнять свой «общественный долг». Образцы государственно-неотрадиционализма представлены в первую очередь в обсуждении социального положения депривированных слоев: многодетных семей, безработных, работников ВПК, мигрантов и т. д.³⁷

Неотрадиционалистские проекты женственности

Рассмотрим вкратце основные неотрадиционалистские проекты, которые репрезентируются в СМИ и идеологиях, организуют практики повседневности и представляют собой современные версии российского женского гражданства. Это проекты (модели) «работающая мать», «домашняя хозяйка» и «сексуализированная женственность».

Модель «работающая мать» легитимизирована многопоколенной советской традицией массовой женской занятости, моральной и экономической ответственностью за семейно-бытовую сферу и натурализованным материнством (эксклюзивным родительством). Она находит оправдание в дискурсе равенства и поддерживается логикой рыночных механизмов переходного периода. При этом для стратегии «работающая мать» в постсоветских условиях характерны новые правила. В новой версии обязанности работающей матери не являются ее гражданским долгом. Приватизация материнства и отделение родительства от сферы гражданских обязанностей сочетаются с приватизацией работы. Занятость становится личным выбором женщины, обоснованным моралью и экономикой.

---

³⁷ Примером такого дискурса является Послание президента 2006 года.

Обязанность участвовать в общественном производстве сменилась экономической необходимостью обеспечения семьи, которая потребовала активизации роли женщины в сфере оплачиваемой занятости. Опыт экономической независимости женщины в семье, зависимость статуса женщины от ее статуса в публичной сфере, материнство как экономическая функция — все это укорененные советские стереотипы, сохраняющие свое значение в постсоветском обществе во многих социальных средах (Римашевская 1997).

Модель «работающая мать» не является однородной. В разных социальных слоях существуют различные правила игры. В случае работающей матери, делающей профессиональную карьеру, ее занятость является выбором, поддерживаемым либеральной идеологией. При варианте экономически вынужденной работы женщины воспроизводят советскую традицию ответственности за семью и репрезентируются как жертвы неэффективной социальной политики, создающей трудности совмещения ролей.

Модель «домашняя хозяйка» легитимизирована ориентацией на представления о лучших жизненных шансах, характерных для западного старого среднего класса и высших слоев досоветского и постсоветского российского общества. В российском обществе данный проект (как и проект «мужчина — единственный кормилец в семье») никогда не опирался на массовый жизненный опыт. Роль домашней хозяйки позиционируется двойственным образом. С одной стороны, это проблема идентичности женщин среднего и высшего класса. В этих слоях создаются образцы регенерации патриархатного разделения труда, которые репрезентируются как традиция. Отношения равенства в семье оказываются недостижимыми, однако женщина становится менеджером домашнего хозяйства, ее роль «профессионализируется». Однако ее позиция проблематизирована, поскольку в обществе не установлены правила игры для данного контракта. Практики и роли домохозяйки парадоксальным образом не имеют достаточной легитимности в контексте советской традиции занятости женщин в публичной сфере.

С другой стороны, проект «домохозяйка» — это проект желаемого будущего и проблематизация положения работницы низкой квалификации и вынужденно работающей матери. Вынужденные домохозяйки из бедных слоев ограничены в возмож-

ностях найти работу. Вынужденные домохозяйки-мигранты ограничены в гражданских правах. Они не могут найти легальную работу и одновременно должны помогать детям адаптироваться в инокультурной среде и обеспечивать мужу возможность ненормированно работать в сфере неформальной экономики. В результате домашняя роль женщин определена недостатком гражданских прав и экономических возможностей.

Кроме того, роль домашней хозяйки связана с возрастанием значимости приватной сферы, с необходимостью в активном управлении домохозяйством в постсоветских рыночных условиях. Мать и менеджер домашнего быта — этот образ становится моделью желаемого будущего, недостижимого для большинства семей. Далее, для определенного сегмента нового предпринимательского класса России женская роль домашней хозяйки становится статусным маркером образа жизни. Материнство и забота сохраняются как основные атрибуты гегемонного дискурса женственности. Этот дискурс опирается также на религиозные ценности, все больше продвигаемые в постсоветской публичной сфере.

«Сексуализированная женственность» как гегемонный дискурс СМИ обусловлен коммодификацией сексуальности, под которой понимается превращение сексуальности в товар, что выражается в самых разнообразных формах — от порнографии и проституции до брака по расчету. «Сексуализированная женственность» как объект и субъект потребления позиционируется в качестве ресурса обеспечения социального положения. Жизненные шансы женщины связываются с ее сексуальной привлекательностью, которая может быть обменена на социальные блага и престижное потребление в ходе «выгодной сделки».

Кроме доминирующих моделей, в общественном дискурсе появились образцы женственности, существенным образом отличающиеся от единственно легитимной и поддерживаемой ранее советской политикой роли «работающая мать». Эти образцы разнообразны и многочисленны. Среди них — феминистки, представительницы этнических и сексуальных меньшинств, активистки неправительственных организаций, женщины, сознательно отказывающиеся от материнства, женщины-инвалиды, жертвы насилия в зоне военных действий, женщины-«нелегалы», проститутки, беженки, безработные,

«бомжи», преступницы, наркоманки, террористки т. п. Все эти образы конституируют социальное пространство проблематизированного гендерного гражданства. В переопределении гендерного гражданства участвуют женские и правозащитные организации, политические партии, средства массовой информации, профессиональные эксперты, представители общественных наук³⁸.

Гендерное гражданство женщин в целом становится гораздо более разнообразным и сложным для определения; социальные права женщин лишь в незначительной степени обеспечены поддержкой государства и рыночных структур. В условиях трансформации социальной политики и бюджетного дефицита возрастает роль горизонтальных социальных сетей и рыночных механизмов в определении практик женственности.

Происходит и дальнейшая проблематизация мужественности. «Кризис маскулинности» распространяется на новые поколения мужчин, неспособных в рыночных условиях выполнять роль кормильца семьи. Это не относится лишь к небольшому слою обеспеченных семей, в которых мужчина становится доминирующим агентом и располагает властными и материальными ресурсами поддержки материнства/женской сексуальной привлекательности. Во многих других случаях постсоветский мужчина маргинализируется в приватной, а иногда и в публичной сфере.

Решения многих гендерно маркированных проблем общество ожидает от государства, социальная политика которого признается неэффективной; во многих слоях возникает ностальгия по патримониальной этакратической традиции советского образца. Одновременно все большее дискурсивное пространство отвоевывают образы женственности и мужественности, апеллирующие к либерально-рыночной традиции гендерного общественного устройства. При явной конкуренции дискурсов, апеллирующих к разным традициям, они сходны в признании биологически детерминированного основания социальных практик женского гражданства. Неотрадиционалистские версии

---

³⁸ Вопросы постсоветского гендерного гражданства и его переопределения в связи с национальными конфликтами, войнами, воинской повинностью, миграциями и т. д. требуют отдельного исследования, здесь мы их только обозначаем.

Глава 2. Советский и постсоветский гендерный порядок

идеологии гендерного гражданства, при всей их привлекательности, могут способствовать половой сегрегации, дискриминации граждан по признаку пола, вытеснению женщин в частную сферу, а также акцентуации брутальной мужественности. До сих пор декларируемое «равенство в различии» представляется недостижимым идеалом. Его достижению может способствовать лишь развитое гражданское общество, рефлексивно реагирующее на тенденции социального неравенства.